

Матьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет

Патьяна
Алюшина

Больше,
чем страсть

Роман

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *Н. Каштыкиной*

Редактор серии *В. Горюнова*

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Больше, чем страсть: [роман] / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-154563-5

Много лет назад еще юная тогда Наденька безнадежно влюбилась в собственного начальника, закоренелого холостяка и ловеласа Даниила Казарина. Закончилась эта история совершенно банально — сердце девушки оказалось разбито. И вот теперь жизнь, словно в шутку, вновь свела этих двоих. Но оба уже не те, что прежде. Даниил пережил тяжелые испытания, заглянув за грань жизни и смерти, а Надя приобрела светский лоск и, похоже, превратилась в равнодушную бизнес-леди.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-154563-5

Весна — это всегда надежда. Всегда.

И ожидание чего-то замечательного, которое обязательно вот-вот настанет, исполнится — грядет! В весне гораздо больше надежды и ожидания, чем в новогоднем празднике и в таком долгожданном и бесшабашном мгновенно пролетающем лете.

Ожидание лучшего скрыто в нас на глубинном генетическом уровне, в крови, в подсознании и сознании, передаваясь веками от предков, — радость, что дожили: ну вот, слава те, господи, зиму переваляли — отстояли-прошли, теперь уж чего и не радоваться, жить будем. Инстинкт такой приобретенный, особенно у северных народов. А мы народ северный, как ни посмотри. Стоит только выйти солнышку уже не по-зимнему, скромненько на часик-другой да урывками сквозь тучи тяжелые, и не по-морозному ледяно на серебряном небосводе, а разлечься в небе во всю ширь лазурную, раскинуться хозяйски да припечь — так сразу что-то меняется в человеческой душе. Цветком смелым пробиваются через зимнюю наморозь усталости и бесконечной серости будней радость какая-то особая да надежда светлая. Не зря у нас самые ухарские, веселые и хлебосольные именно весенние праздники — широкая Масленица да светлая Пасха.

Вот так размышляла Надежда, выехав на трассу и опустив козырек лобового стекла от ударившего в глаза весеннего солнышка.

Вздохнула глубоко, порадовалась такому утреннему обнадеживающему теплу, почти жаре, и принялась размышлять о весне. Надя специально выехала пораньше.

Задумала по приезде, до погружения в дела, пройти по тропинке вдоль берега реки. Открывающиеся с этой дорожки потрясающие панорамные виды по обоим берегам всегда действовали на нее умиротворяюще и вместе с тем неизменно затрагивали что-то внутри первозданной чистой красотой, настраивая на философские размышления о суетности бытия. Как-то вот так. Одним словом, успокаивали ее эти красоты среднерусские.

Краевиды, как говорит один ее знакомый.

Сегодня эта прогулка прямо-таки просилась в планируемую оказию нынешнего делового приезда. Надю с самого пробуждения одолели ни с того ни с сего непонятная тревога и беспокойство беспричинное, как перед бурей или еще чем стихийным, пугающим. И такое странное настроение одолело — все из рук валится, не ладится. Главное, с чего бы? Совсем непонятно. И Надюшка почти неосознанно, словно поторапливал кто, спешила добраться до пансионата до назначенного времени встречи, надеясь пройти над рекой и, наконец, уравновесить, утихомирить этот непонятный душевный раздрай.

Вот и выехала на полчаса пораньше и всю дорогу неосознанно подгоняла себя, все прибавляя и при-

бавляя скорость, спеша добраться и скинуть это странное душевное состояние.

Тропинка та не простая, а, можно сказать, даже уникальная — проложена она была в диком, «протоптанном» виде многочисленными отдыхающими пансионата, облюбована и «усовершенствована» парочками, стремящимися к уединению, в поисках которого они умудрялись забираться на самые отвесные склоны над крутым берегом. Несколько лет назад по велению руководства пансионата тропинку окультурили, выложив красной тротуарной плиткой, огородили те самые рискованные места над кручей коваными заборчиками, поставили скамейки для отдыха с панорамным видом, настраивающим на особую романтику, поддерживав таким образом инициативу, проявленную, так сказать, снизу, от народа.

Дорога заканчивалась у центральных ворот и проходной пансионата большим кругом с двумя остановками, расположившимися друг напротив друга для приезда и отъезда пассажиров. На круге разворачивались автобус, ходивший раз в день, и маршрутка, приезжавшая так же: раз в день. Пансионат-то находился в глухомани, далекой от цивилизации, до ближайшего города тридцать километров. В этом-то и состояла прелесть этого почти дикого места, медвежьего угла — в уединенности и великолепной природе, в которую был гармонично вписан пансионат.

Рядом с правой остановкой расположился небольшой магазинчик из желтого кирпича, выполненный в той же непритязательной стилистике, что

и пропускной пункт дома охраны на входе. Сдержанно и со вкусом.

А дальше, за левой остановкой для отъезжающих пассажиров, длинным прямоугольником пристроилась охраняемая бесплатная автостоянка. Народ в пансионат приезжал отдыхать далеко не бедный, и многие предпочитали добираться на своих авто.

Надежда припарковалась на автостоянке, вышла, пиликнула сигнализацией, закрывая машину. Затем кивнула и приветливо улыбнулась охраннику, поспешившему выйти из будки на въезде и поздоровавшемуся с ней, и двинулась к проходной.

Гостем она тут была не частым, к тому же деловым, но давним, Надю знали многие работники, а уж охранники так тем более.

— Доброе утро, Надежда Семеновна. Что-то вы сегодня совсем раненько, — выказывая особое уважение, встретил ее у домика проходной один из них.

— Здравствуйте, Андрей Васильевич, — улыбнулась она в ответ, махнула приветливо рукой оставшемуся в будке напарнику охранника и пояснила: — Да вот решила прогуляться немного, полюбоваться вашими красотами.

— А-а... — понятиливо кивнул Андрей Васильевич и одобрил данный порыв: — Дело хорошее. Над рекой, по бережку, что не пройтись-то, особо утречком. И для здоровья полезно, и для души не вредно.

Дядька был еще тот! Бывший служака, лет шестидесяти, Надюха подозревала, что из гэбистов или каких иных органов «веселых», но «сек» он все четко — памятью обладал отменной, мелочей не про-

пускал, лица запоминал с первого раза и глаз имел хитрющий, с прищуром.

Ну еще бы! Пансионатик-то не из самых простых и доступных — условно на «пять звезд», облюбован для спокойного отдыха многими известными людьми, частенько очень известными, и охрана территории выстроена по высшему разряду — а не для привычного отсиживания форменных пятых точек за мониторами престижа ради. К тому же хозяин этой красоты — ой-ёй-ёй какой товарищ непростой, у него вообще не забалуешь, тем паче если дело касается его собственности.

Впрочем, не об этом.

Этот Андрей Васильевич имел к Надюхе явный мужской интерес и при каждой встрече старался его выказать хоть намеком на известные ему пристрастия дамы, например, такие как прогулки над рекой, или заведя разговор легкий, или каким иным приятным образом, однажды даже букетик полевых цветов презентовал с щедрой улыбкой в придачу. Приосанивался всякий раз, как Надежду видел, втягивал животик, расправлял плечи и старался сказать что-нибудь приятное. Ну так — легко, игриво, без пошлости и ожиданий. Хороший дядька. Да и ей приятно. Он все-таки такой мужичок интересный и моложавый.

Она улыгнулась ему еще разок, кивнула в знак согласия с высказыванием и, проходя через ворота на территорию, подумала, вот и настроение приподнялось — что значит внимание мужчины, даже такое — легкое, без намеков, а лишь подчеркивающее ее привлекательность.

Но, подходя к реке, Надя расстроилась.

Сразу так расстроилась! Ну вообще ужасно! Солнышко припекало крепко так, и совсем весна-весна вокруг, и даже лето вроде как ручкой машет... а от реки на берег напал тяжелый густой туман!

Ну не досада, а?! Ну как вот так?!

Надежда уже настроилась пройтись и утихомирить непонятные душевные трепыхания созерцанием природы, а заодно продышаться хвойно-речным прозрачным и звенящим от чистоты воздухом и, прогулявшись любимым маршрутом вдоль соснового бора над рекой, выйти к административному зданию спокойной, бодрой и с привычной Наде неспешной деловой размеренностью. А тут!

И туман ведь какой-то странный — плотный, молочно-белый, клоками рваными, похожий на комки разбросанной беспорядочно ваты, — поднимался снизу от реки и уже умудрился напалзти на высокий берег и закутать почти всю тропку.

«Ну и ладно, — решила Надежда. — Ну, туман, и что теперь!» Не идти же в самом деле в администрацию, чтобы провести там в приемной еще сорок минут! Решила гулять, значит, пойдет гулять!

Но стоило ступить на тропинку и войти в эту зыбко колышущуюся субстанцию, как все негодование и разочарование сменилось ощущением какой-то сказочной нереальности происходящего — птичий гомон остался вдалеке, вокруг стояла удивительная тишина, нарушаемая лишь еле-еле слышным шорохом речных волн. Необычно плотный, непроглядный молочный туман окутал Надю своими влажными объятиями и не хотел выпускать. Стоило

выйти из сгустка тумана, как вдогонку все тянулись и тянулись белесые щупальца, цеплялись за одежду, закручивались спиральками, словно скорбели о расставании и звали назад.

Но главное, все-таки тишина... Неправдоподобная такая, удивительная. Мягкая.

Мистика какая-то.

И вдруг в этой призрачной тишине Надя расслышала чьи-то шаги... Четкие, неторопливые шаги человека, двигавшегося навстречу по дорожке. Надя улыбнулась загадочности происходящего: ничего не видно, лишь небольшие просветы между клочками тумана — в которые то попадаешь, то снова проваливаешься в таинственное молоко, неестественная, приглушенная тишина и эти шаги.

Как в страшилках — вот сейчас выйдет незнакомец из ниоткуда и будет стра-а-а-ашно-о-о-о...

Шаги приближались, Надя подумала, что идущие навстречу запросто могут и столкнуться в такой-то ватной непрогляди, и усмехнулась, красочно представив себе курьезную картинку, как два человека налетают друг на друга.

И тут она оказалась в одной из «прорех» туманного покрова и увидела, как в метрах десяти перед ней, из плотного молочно-туманного сгустка показалась мужская фигура. Сначала очертания мужчины обозначились темным силуэтом в этой белой субстанции, а затем, разрывая окутавший его туманный кокон, он вышел в просвет, и за ним потянулись просяще-умоляюще нити-руки и, безнадежно отрываясь, закручивались у него за спиной в небольшие вихри-спиральки, словно гладили-прощались...

И тут она узнала этого человека! Сразу! Мгновенно!

Этой встречи не могло быть в реальности, просто не могло быть, и все!

Надюхе на какое-то мгновение подумалось, что она фантастическим образом переместилась во времени и пространстве, в котором этот человек материализовался перед ней, пройдя через какой-то таинственный портал. Или он провалился, или она. А может, оба они куда-то провалились. Но это точно не должно было происходить в действительности!

От этого резкого, как удар, узнавания и неожиданности она замерла, не в силах пошевелиться, внутри словно что-то взорвалось, обдав все тело кипятком, горячая волна ударила под колени и прокатилась до ступней.

А мужчина, продолжая прогулочным неторопливым шагом двигаться навстречу, скользнул по лицу девушки взглядом и дежурно улыбнулся, как обычно улыбаются на отдыхе малознакомым людям, с которыми сталкиваешься в ресторанах, на прогулках-экскурсиях или у ресепшена, вроде как у вас один «клуб по интересам», к которому вы приобщены, но, слава богу, без близко-дружественных отношений. Мимолетом, мимоходом, ни о чем. Улыбка — легкий комплимент.

Он шел навстречу, продолжая удерживать ту самую приветливую улыбку на губах, даже какой-то намек на кивок головой изобразил, и Надя вдруг подумала с облегчением, что сейчас мужчина так и пройдет мимо — он не узнает ее, это невозможно, и они общались-то совсем недолго, около месяца,

и она ничего не значила для него миллион жизненных лет и обстоятельств назад. Пройдет — решила укрепнуть эта мысль...

Но в какое-то неуловимое мгновение, когда мужчина был уже метрах в пяти от Нади, выражение его лица резко изменилось — улыбка пропала, как растаяла, взгляд стал цепким, острым. Человек пристально всмотрелся в лицо незнакомки, замер, а затем решительно направился прямо к ней.

— Вы Надя? — спросил он, остановившись перед ней, все так же бесцеремонно-внимательно рассматривая ее лицо.

Она не стала отвечать. Почувствовала, как первая горячая волна отхлынула и за ней приходит какое-то замораживающее спокойствие, словно Надя наблюдает за происходящим со стороны. Стояла и рассматривала его в ответ.

— Надя Петрова, — выдохнул он.

Не спросил — утвердил как данность, как узнавание давно разыскиваемого и нужного человека, которого обыскался, аж устал и наконец-то вот встретил, нашел. А она молча смотрела прямо на него.

— Вы, может, меня не помните, — предположил мужчина, неверно расценив это ее затянувшееся молчание. — Я Даниил...

— Я помню, — перебила она, — вы Даниил Казарин.

— Да... — обрадовался он как-то явно и непонятно для нее и повторил: — Да.

Постоял, размышляя о чем-то, и вдруг ошарашил заявлением, перейдя сразу же на «ты»:

— Я искал тебя.

— Зачем? — помолчав пару секунд, ровным тоном спросила она.

После взрыва чувств от неожиданности и оторопи первого узнавания этого мужчины, невозможного и нереального в ее жизни, она странно чувствовала себя, будто продолжала смотреть на происходящее со стороны. Ощущения, эмоции — все словно действительно подверглось мгновенной заморозке. Можно не бояться сказать или сделать что-то не так, успеешь сто раз подумать, пока продерешься сквозь этот лед, и уже не потребуются ни говорить, ни делать что-либо, потому что действие разворачивается дальше без нее, а она тормозит, запаздывает.

— Я хотел многое тебе рассказать, объяснить, — перевел взгляд с лица, посмотрев куда-то выше ее плеча, вдаль, Даниил.

— Зачем? — повторила Надя «замороженным» голосом.

— Это важно для меня, — опять посмотрел на нее Казарин, только каким-то другим, совсем непонятным взглядом.

Она снова помолчала, контролируя эмоции, начавшие так же неожиданно «оттаивать» и проситься наружу, и постным ровным тоном уведомила, вроде как прощаясь:

— Мне надо идти.

— Ты здесь отдыхаешь? — слишком заинтересованно спросил Даниил Казарин.

— Нет, — односложно, без объяснений ответила Надя.

— Работаешь? — не отступил он.

— Да, — вторично не порадовала конкретикой дама.

— Я провожу, — утвердил он, но тут же поняв свою ошибку, уточнил: — Надеюсь, ты не против?

— Проводи, — пожала она плечами почти равнодушно.

Они двинулись по тропинке рядом. И «заморозка», сделав свое дело, останавливая любые открытые эмоциональные порывы, стремительно растаяла и вовсе отпустила Надю, возвращая ей привычную рассудительность и почти спокойствие. Ну ладно — вовсе и никакого не спокойствие, но по крайней мере она уже вполне владела своими эмоциями. Ну хорошо, хорошо — не вполне и владела, но хоть как-то управлялась с ними.

— Можно пригласить тебя в кафе? — поинтересовался Даниил вроде бы осторожно-мягко, но довольно настойчиво.

Все-таки это не тот мужчина, который способен осторожничать и прогибаться перед женщиной или вообще перед кем бы то ни было. Он привык отдавать распоряжения и приказы, а не исполнять чьи-то. По крайней мере раньше он был именно таким.

— Мне надо в третий раз спросить: зачем? — усмехнулась Надюха.

— Поговорить, — усмехнулся в ответ он и растолковал с неким нажимом: — Надь, я действительно тебя искал долгое время. И я точно знал, для чего и что хочу сказать.

— Одиннадцать лет прошло, Даниил, — напомнила Надя, — все, что бы вы ни хотели мне сказать, перестало быть актуальным уже давно.

Нарочитым выканием она нарочно подчеркнула дистанцию.

— Да нет, — вздохнул глубоко он, — есть вещи, которые не теряют своей актуальности со временем. — И совсем другим, деловым тоном спросил: — Ты во сколько освободишься? Я тебя встречу.

Она остановилась, вынуждая остановиться и Казарина, развернулась к нему, посмотрела долгим взглядом и с легким оттенком надежды уточнила:

— А этого никак нельзя избежать?

— Вряд ли, — улыбнулся он. — Если помнишь, я редко отступаю от задуманного.

— Да, — кивнула она и снова двинулась вперед по тропинке. — Это я помню хорошо, — и уведомила: — У меня сейчас переговоры на час, может, полтора. Потом найдется около часа свободного времени.

— Отлично! — искренне порадовался Казарин. — Вот и договорились.

Больше они не разговаривали. И она все останавливала свои порывы, не разрешая себе его рассматривать, изучать. Странно так молча шли по тропинке, и, что совсем удивительно, отчего-то не испытывая неловкости и тягости этого молчания. Вырвались из туманных объятий, прошли через парк, залитый радушным солнечным светом, к административному зданию, мужчина распахнул и придержал перед Надей двери, пропуская вперед, вошел следом. И только когда она, кивнув администратору за стойкой ресепшена, двинулась к лестнице, Даниил предупредил:

- Я подожду тебя в холле.
- Это может затянуться, — удивилась Надежда.
- Я подожду, — твердо отрезал Казарин.

Переговоры прошли быстро. Впрочем, их финальная стадия была посвящена формальному подписанию нового контракта. Все детали, цены, ассортимент и дополнения к договору были давно и тщательно обговорены, перепроверены до мелочей и запятых и утверждены обеими сторонами, к полному их удовлетворению. Что и спасло, собственно говоря, ибо Надежда наша Семеновна пребывала совсем не в деловом настроении, мысленно уж точно не в реальности происходящего и не с тем мужчиной, с которым сидела за большим переговорным столом.

— Какие-то неприятности, Надежда Семеновна? — участливо поинтересовался управляющий пансионатом, подписывая документы.

— А? — вернулась из своих размышлений она. — Нет, нет. Так, рабочие моменты. — Надя дружески улыбнулась.

— Если помощь нужна, вы же знаете, в любой момент, чем смогу, — напомнил Олег Евгеньевич.

— Спасибо большое, — искренне поблагодарила Надя. — Но ничего серьезного.

Вообще-то пансионат этот имел статус такого уровня, что подписывать текущие контракты с поставщиками самому управляющему было не по рангу, ну никак. Но, может, именно поэтому данный комплекс и держал много лет такой высокий элитный уровень, что его управляющий предпочитал

рулить империей, вникая в любые мелочи своего хозяйства и проявляя лично уважение давнишним и надежным партнерам. А хозяйство Дронова относилось к числу именно таких — давних, весьма надежных, очень уважаемых и любимых партнеров пансионата.

— Значит, дело в мужчине, — усмехнулся понимающе Манин.

— Всегда дело либо в мужчине, либо в женщине, — легко рассмеялась Надя и, вздохнув коротко, словно отбрасывая ненужные мысли-заботы, попросила: — Олег Евгеньевич, мне надо бы срочно с делом одним разобраться, я могу воспользоваться переговорной и поработать немного с документами?

— Да сколько угодно, — гостеприимным жестом обвел он комнату, — на сегодня никаких встреч у меня не запланировано, располагайтесь, работайте сколько понадобится. Я предупрежу Ингу, она за вами поухаживает: чай, кофе и все, что будет нужно.

— Спасибо огромное.

— Ну, что ж, — поднимаясь с кресла и убирая в кожаную папку свой экземпляр подписанного договора, подвел итог их встрече Манин. — Поздравляю нас обоих с новым добротным контрактом. Мне очень понравились расширения в вашем ассортименте, впрочем, я уже об этом говорил. — И, уже подходя к двери, обернулся: — Кстати, Инга передала вам приглашение на праздник?

— Да, первым делом, — подтвердила Надежда.

— Приезжайте непременно, — убежденно пригласил управляющий, — номер вам забронирован, а праздник будет достойный.

— Я постараюсь, Олег Евгеньевич.

— Приезжайте, — повторил он и вышел за дверь.

В помещение тут же заглянула секретарь Инга.

— Надежда Семеновна, — профессионально приветливо обратилась она, — чай, кофе, напитки, закуски? Может, что-то нужно для работы?

— Спасибо, Инга за заботу, — сердечно поблагодарила Надя. — Ничего пока не надо.

— Хорошо, — кивнула девушка и предупредила: — Если что-то понадобится, я в приемной.

— Спасибо, — улыбнулась Надя.

Ни с какими документами работать ей на самом деле не требовалось, и вся эта искренняя забота и участие были излишни и неловки. Но внизу, в холле, сидел Даниил Антонович Казарин, а Надя совершенно не была готова ни к встрече с ним, ни к разговору, ни к его столь мистическому появлению из прошлого.

Совсем не готова.

И ей просто требовалась передышка, время, чтобы осознать, осмыслить эту фантастическую встречу и подумать, как себя держать с Даниилом и нужно ли вообще с ним общаться.

Она развернула кресло от стола, встала и подошла к панорамному, от пола до потолка, окну, из которого открывался потрясающей красоты вид на парк, сосновую рощу, реку, на тот берег, на лес, дикое поле и дальше, дальше...

Справа, в стороне, виднелась мансарда, терракотовая черепичная крыша усадьбы, которую хозяева почему-то называли «Доминой», и часть высокого забора, отделявшего хозяйскую территорию от пан-

сионата, «нейтральную» полосу между ним и забором со стороны пансионата.

Владел всей этой величавой красотой Дмитрий Федорович Победный. Ну очень крутой товарищ, к олигархам себя не причислявший, но на какой-то там позиции печально известного журнала «Форбс» появившийся.

Раньше, в далекие советские времена, на этом месте располагался пансионат для партийной элиты страны, с особым смыслом удаленный в медвежий угол — не так чтобы далеко от Москвы, не тысячи километров, но подальше от народа, чтобы эта самая элита могла отрываться в свое удовольствие по-чем зря. И места-то специально выбирали — чтобы природная первозданность, радующая все органы чувств, виды уникальные, воздух, ну и оздоровление, как без него, побаливали от излишеств и нервов партийные чиновники.

После страшного периода «гласности и перестройки», закончившегося развалом страны, пансионат бросили, списали-переписали с каких-то балансов и фондов. Бесхозный, он пришел в полное запустение и разорение. Но рядом продавался огромный участок земли с потрясающей красоты природой и прямым выходом к реке. Участок приглянулся господину Победному. Насколько Надежде было известно, предприниматель решил выкупить и земли пансионата, которые собирались продавать под застройку частными домами.

Дмитрия Победного соседство множества частных с неизвестными амбициями и проявлениями оных явно не устраивало, а поскольку человек та-